

Джон Пайпер

Жан
Кальвин

Божественное
величие
Слова

IN LUMINE

This booklet was first published in the United States
by Desiring God

© DESIRING GOD
desiringgod.org

© 2008 IN LUMINE Russian edition copyright

Printed by IN LUMINE

IN LUMINE P.O.Box 1842 Chernigov,
14000 Ukraine
380635630071
inlumine.org
info@inlumine.org

© Перевод на русский язык, «IN LUMINE», 2008

Божественное величие Слова

Жан Кальвин

Конференция церкви «Вифлеем» для пасторов
4 февраля 1997 г., Джон Пайпер

Драгоценность славы Божией

Я хотел бы начать, обратив наше внимание на то определение, которое Бог дает Самому Себе в Исходе, 3:14, 15. Вы помните, что Бог призвал Моисея и поручил ему идти в Египет, чтобы вывести Его народ из рабства. Моисей, испугавшись такого поручения, возразил, что он не подходит для этого. Бог ответил ему, сказав «Я буду с тобою» (стих 12). На что Моисей сказал: «[Когда я] скажу им: Бог отцов ваших послал меня к вам. А они скажут мне: как Ему имя? Что сказать мне им?» И ответ Божий на этот вопрос – одно из самых больших и важных откровений, которые когда-либо были даны человеку:

Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий. И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий [Иегова] послал меня к вам. И сказал еще Бог Моисею: так скажи

сынам Израилевым: Господь, [ЯХВЕ] Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова послал меня к вам. Вот имя Мое на веки, и памятование о Мне из рода в род.

Другими словами, это великое, занимающее центральное место во всей Библии имя Яхве явным образом закладывается Самим Богом в определение «Я есмь Сущий». Скажи им, что Тот, Кто просто и абсолютно есть Сущий, послал тебя. Скажи им, что существенное, главное во Мне есть то, что Я ЕСТЬ.

Я начинаю с этого библейского самоопределения Бога потому, что моим ничуть не скрываемым и уж несколько не постыдным стремлением в данном выступлении, посвященном Жану Кальвину, за все десять лет проведения этих конференций для пасторов является заставить вас гореть желанием дать Богу занять центральное и самое главное место во всем вашем служении. Мое сердце горит во мне, когда я слышу, как Бог говорит: «Я есмь Сущий». Не так ли и ваше? Оно горит во мне, когда я думаю об абсолютности бытия Бога, – бытия безначального, бесконечного, всегда присутствующего, никогда не совершенствующо-

щегося, простой и абсолютной данности, подход к которой либо на ее условиях, либо отсутствует вообще.

Я хочу, чтобы это дошло до вашего сердца, братья: Бог, во имя Которого собралась эта конференция, никогда не имел начала! Бог никогда не имел начала! «Я ЕСМЬ (Сущий) послал меня к тебе». И Тот, Который никогда не имел начала, но всегда был, и есть, и будет, определяет все. Хотим ли мы, чтобы Он был, или нет, Он всегда есть. Мы не выбираем, какую действительность мы хотим иметь. Бог определяет действительность. Когда мы начинаем быть, мы стоим перед Богом, Который сотворил нас и Которому мы принадлежим. В этом случае у нас нет абсолютно никакого выбора. Мы не решаем, быть ли нам. И когда мы начинаем быть, мы не решаем, быть ли Богу. Никакое неистовство, никакие самые изощренные сомнения или скептицизм не имеют абсолютно никакого влияния на существование Бога. Он просто и абсолютно есть. «Скажи им: «Я есмь» послал тебя».

Если нам это не нравится, мы можем изменить себя, к нашей радости, или же можем сопротивляться, к нашей гибели, но одна

истина остается абсолютно невредимой: Бог есть. Он был до того, как мы начали бытие, и Он будет, когда мы уйдем. И поэтому в служении превыше всего – это этот Бог. Я не могу избежать простой и очевидной истины о том, что Бог должен занимать главное место в служении. Служение должно иметь отношение к Богу, потому что жизнь должна иметь отношение к Нему, а жизнь должна иметь отношение к Нему потому, что вся вселенная должна иметь отношение к Нему, а вселенная должна иметь отношение к Богу потому, что каждый атом, и каждая эмоция, и каждая душа каждого ангельского, демонического и человеческого существа принадлежит Богу, Который абсолютно есть. Он создал все, что существует, Он поддерживает бытие всего, Он направляет ход всех событий, потому что «все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки [в наших служениях!]» (Рим. 11:36).

В эту десятую годовщину конференции церкви «Вифлеем» для пасторов я чувствую необычайно сильное желание того, чтобы Бог воспламенил в ваших сердцах желание дать Богу занять центральное место и высший приоритет в вашем служении, чтобы ваши прихожане могли сказать после вашей смерти: «этот

человек знал Бога. Этот человек любил Бога. Этот человек жил для славы Божией. Этот человек показывал нам Бога каждую неделю. Этот человек, как сказал апостол, был «исполнен всею полнотою Божиею».

Такова моя цель и моя сверхзадача для данной конференции церкви «Вифлеем» для пасторов. И не только потому, что она неявно подразумевается в простом и вызывающем благоговейный страх бытии Бога, и не только потому, что она явно выражена в Слове Божьем, но также и потому, что Давид Уэллс потрясающе прав, когда говорит: «именно такой Бог, величественный и святой в Своем бытии, исчез из современного евангельского мира» (см. сноску 1). Лесли Ньюбиген говорит во многом то же самое: «Я вдруг понял», – пишет он, – «что можно говорить обо всех истинах евангельского христианства, но говорить об этом с позиции самого себя, своей нужды во спасении, отводя Богу роль лишь вспомогательного средства для этого... Я также понял, что очень многие евангельские христиане могут легко поскользнуться и стать сосредоточенными на себе и своей нужде в спасении, а не на славе Божией» (см. сноску 2). И мы таки

поскользнулись! Сколько в мире сейчас церквей, где доминирует понимание важности и ценности славы Божией?

Жан Кальвин в своих современниках видел то же, что и Лесли Ньюбинген увидел сейчас. В 1538 году итальянский кардинал Садолет написал пресвитерам Женевы письмо с целью убедить их вернуться в лоно католической церкви после того, как они обратились к реформатским учениям. Он начал свое письмо с длинного примирительного вступления о ценности вечной жизни, которым предварил свои обвинения в адрес Реформации. Кальвин написал ответ Садолету спустя шесть дней, осенью 1539 года. Это было одно из самых ранних его писаний, которое распространило его имя как реформатора по всей Европе. Лютер прочел его и сказал: «это письмо, у которого есть руки и ноги. Я очень рад, что Бог воздвигает таких людей» (см. примечание 3).

Ответ Кальвина Садолету имеет такое большое значение потому, что он раскрывает коренные причины ссоры Кальвина с Римом, – ссоры, которая определит ход всей его дальнейшей жизни, а также и ход всего нашего повествования о нем. И дело даже не в оправ-

дании верою, или развращенности священников, или в пресуществлении, или в молитвах к святым, или власти папы. Все это, безусловно, будет предметом споров, однако главным вопросом, который стоит за всем этим, фундаментальным для Жана Кальвина, с самого начала до самого конца его жизни будет вопрос центральности, превосходства и величия славы Божией. Он увидел в письме Садолета то же, что Ньюбиген видит в сосредоточенном на себе евангелизме.

Вот что он ответил Кардиналу: «[Ваша] ревность к небесной жизни такова, что удерживает человека в постоянной сосредоточенности на себе и никогда, ни одним своим проявлением не побуждает его к тому, чтобы святить имя Божье». Другими словами, даже драгоценную истину о вечной жизни можно настолько исказить, что она будет смещать Бога с Его центрального места как цели жизни. В этом и состояла суть спора Кальвина с Римом. Это его несогласие снова и снова выходит на поверхность в его произведениях. Далее он говорит Садолету, что главное, что он должен делать, – и что Кальвин собирается достичь всей своей жизнью, – это «показать [человеку],

что главным мотивом его существования должна быть ревность являть славу Божию» (см. сноску 4).

Я думаю, эти слова можно поставить девизом для всей жизни и творчества Жана Кальвина – ревность являть славу Божию. Суть жизни и проповеди Жана Кальвина в том, что он возродил и воплотил в себе страсть к абсолютной реальности и величию Бога. И это то, что я хочу, чтобы и вы увидели. Бенджамин Уорфильд сказал о Кальвине: «ни один человек до него не имел более глубокого понимания Бога, чем он» (см. сноску 5). В этом – ключ к пониманию жизни и богословия Кальвина.

Герхардус Вос, толкователь Нового Завета из Принстона, задал в 1891 году вопрос: «что в реформатском богословии есть такого, что создало в нем уже традицию охватывать Писание во всей Его полноте, так, как никакая другая ветвь христианства? И тут же отвечает: «потому что реформатское богословие ухватывает самую глубокую идею Писания... И эта идея, послужившая ключом ко всем неисследимым богатствам Писания, заключалась в превосходстве важности славы Божией перед всем, что было создано» (см. сноску 6).

Именно эта неизменная ориентация на славу Божию составляет основу жизни Жана Кальвина и последующей реформатской традиции. Вос сказал, что «всеохватывающий лозунг реформатской веры таков: труд благодати в грешнике как зеркало для славы Божией» (см. сноску 7). Отражение славы Божией составляет смысл жизни и служения Жана Кальвина.

Когда Кальвин дошел до вопроса об оправдании верой в своем ответе Садолету, он сказал: «вы... касаетесь вопроса об оправдании верой, этого главнейшего и острейшего предмета разногласий между нами... . Везде, где отсутствует понимание этого, слава Христова угашается» (см. сноску 8). Итак, из этих слов снова видно, что является фундаментальным. Оправдание верой имеет важнейшее значение. Но есть и еще более глубокая коренная причина того, почему это столь важно. Здесь поставлена на карту слава Христова. Везде, где отсутствует понимание оправдания верою, слава Христова угашается». Эта слава является для Кальвина неизменно важнейшим вопросом. Какая истина и какое поведение «будет являть славу Божию»?

Для Кальвина необходимость в Реформации обосновывалась главным образом следующим: Рим «уничтожал славу Христа разными способами: прибегая к заступничеству святых, тогда как Иисус Христос – единственный Посредник между Богом и человеком; поклонением Деве Марии, тогда как одному лишь Христу следует поклоняться; предлагая непрерывную жертву во время мессы, тогда как жертва Христа на кресте является полной и достаточной» (см. сноску 9), возводя традицию до уровня Писания и даже делая слово Христа вторым по своей авторитетности перед словом человека (см. сноску 10). Кальвин в своем Комментарии к посланию Колоссянам спрашивает: «почему так получается, что мы «увлекаемся учениями различными и чуждыми» (Евреям 13:9)?» И тут же отвечает: «потому что совершенство Христа остается непонятым нами» (см. сноску 11). Другими словами, великим ангелом-хранителем библейской ортодоксии на протяжении веков является страсть к славе и совершенству Бога во Христе. Там, где Бога смещают с центрального места, все начинает смещаться во всем, что отнюдь не способствует доктринальной верности в наше собственное такое небоцентричное время.

Поэтому объединяющим стимулом и основой всех трудов Кальвина является его страстное желание явить славу Божию во Христе. Когда ему было 30 лет, он описал воображаемую картину самого себя в конце жизни, когда он, давая отчет Богу, сказал: «Та цель, о Боже, к которой я стремился, и ради которой так усердно работал, заключалась в том, чтобы Твоя благодать и справедливость стали явными, чтобы добродетель и благословения Твоего Христа явить людям в полной силе» (см. сноску 12).

Двадцать четыре года спустя, по-прежнему непоколебимый в своих пристрастиях и целях, за один месяц до того, когда он действительно дал отчет Христу на небе (он умер в возрасте 54-х лет), он сказал в своей последней воле и в завещании: «Я ничего не написал из ненависти к кому-либо, я всегда старался распространять то, что считал славой Божией» (см. сноску 13).

Поэтому я задаю сейчас вопрос: что произошло в Жане Кальвине такого, что сделало из него человека настолько поглощенного величием Божиим? И какого рода служение стало следствием этого?

Ранние годы жизни Кальвина и обращение

Начнем наш рассказ с ключевого события его обращения, которое состоялось вскоре после того, как ему исполнился 21 год. Он родился 10 июля 1509 года, когда Мартину Лютеру было уже 25 лет и он только начинал преподавать Библию в Виттенберге. О его раннем детстве мы не знаем почти ничего. Когда ему было 14 лет, его отец послал его учиться теологии в Парижском университете, которого в те времена еще не коснулась Реформация в Германии и в котором царила средневековая теология. Однако через пять лет (когда Кальвину исполнилось 19 лет) его отец рассорился с церковью и повелел сыну оставить теологию и изучать право, что он и делал в течение последующих трех лет в Орлеане и Бургесе.

За эти годы Кальвин овладел греческим и увлекся взглядами Дунса Скотуса, Вильяма Оккама и Габриэля Билля и завершил изучение права. Его отец умер в мае 1531 года, когда Кальвину был 21 год. Тогда Кальвин почувствовал себя свободным и вернулся от изучения права к своему первому увлечению, которое стало классикой. Свою первую книгу, Комментарий на Сенеку, он опубликовал в 1532 году,

в возрасте 23-х лет. Однако где-то в это же время он вошел в контакт с духом и буквой Реформации, и к 1533 году в его жизни произошла драматическая перемена.

В ноябре 1533 года Николас Коп, друг Кальвина, проповедовал на открытии зимнего семестра в Парижском университете и был привлечен Парламентом к ответственности за его лютеранские взгляды. Он бежал из города, и после этого начались гонения против тех, кого король Френсис I называл «проклятая лютеранская секта». Среди тех, кто бежал из города, был и Кальвин. Отношения с Копом были столь близкими, что у некоторых даже возникают подозрения в том, что Кальвин попросту записывал то, что произносил Коп. Итак, к 1533 году Кальвин «перешел Рубикон». Он уже был полностью преданным Христу и делу Реформации.

Что же произошло? Семь лет спустя Кальвин вспоминает, как произошло его обращение. Он описывает, как он изо всех сил старался жить по принципам католической веры:

...когда возникла совершенно новая форма вероучения, не та, которая вводила нас от

христианского исповедания, а та, которая, наоборот, возвращала его обратно к его источнику, к его изначальной чистоте. Сбитый с толку его новизной, я очень неохотно внимал ему и сперва, должен признаться, даже упорно и страстно сопротивлялся тому, чтобы признаться, что всю свою жизнь я жил в неведении и заблуждении...

Прошло много времени, прежде чем я понял, – и как будто свет просиял во мне [ключевая фраза в контексте того, что мы дальше увидим], в каком стойле заблуждения я валялся и сколько грязи и нечистот я там набрался. Будучи чрезвычайно встревожен тем жалким состоянием, до которого я пал, я решил для себя, что просто обязан первым делом предать себя Твоему пути, о Боже, осудив мою прежнюю жизнь, конечно же, не без стенаний и слез (см. прим. 14). Бог внезапным обращением покори́л мой разум и привел его в обучаемое состояние... Получив таким образом некоторое ощущение и познание истинного благочестия, я тут же воспламенился сильным

желанием продвигаться в этом дальше» (см. сноску 15).

Каковы же были основы веры Кальвина, которые позволили ему прожить жизнь в постоянном сжигающем желании являть славу и величие Бога? Я думаю, ответ на этот вопрос в том, что Кальвин внезапно, как он говорит, увидел и ощутил в Писании величие Бога. И в тот же миг и Бог, и Божье Слово настолько сильно и безусловно открылись в своей истинности его душе, что он стал любящим Бога слугою Его и Его Слова до конца своей жизни.

«Внутреннее свидетельство Духа Святого»

Чрезвычайно важное значение имеет то, каким образом это произошло, и нам лучше обратиться к тому, как сам Кальвин описывает это событие в своих «Институтах христианской веры», особенно в Книге I, главы VII и VIII. Здесь он рассуждает над тем, как мы можем придти к спасительному познанию Бога через Писание. Его ответ на этот вопрос – в знаменитой фразе: «внутреннее свидетельство Святого Духа». К примеру, он говорит: «Писания абсолютно достаточно для спасительного познания Бога только в том случае, когда его

истинность основана для нас на внутреннем убеждении от Святого Духа» (I, viii, 13). Итак, по Кальвину, для того, чтобы обрести «спасительное познание Бога», необходимо наличие двух вещей: Писания и внутреннего свидетельства Святого Духа». Ни одно из них само по себе недостаточно для того, чтобы спасти.

Но как же на самом деле это происходит? Что делает Дух? На самом деле Дух не дает нам какие-то новые откровения в дополнение к тем, что содержатся в Писании (см. сноску 16), а пробуждает нас, воскрешает, как мертвых, давая нам способность увидеть и вкусить реальность Бога в Писании, которое воспринимается теперь нами как собственно Божье Слово. Он говорит: «Наш небесный Отец, открывая Свое величие [в Писании], возносит авторитет Писания выше всякой сферы критики» (I, viii, 13). Вот ключ к пониманию Кальвина: свидетельство Бога, данное Им Писанию, есть непосредственное, абсолютное, дающее жизнь откровение для разума о величии Бога, Которого знает Писание.

Снова и снова в его описаниях того, что происходит с человеком, приходящим к вере, вы увидите упоминания о величии Бога, явленного в Писании, и доводы в защиту Писания.

Итак, уже из самого характера его обращения видно, как загорается в нем эта главная страсть его всей жизни.

Мы уже почти дошли до сути этого события в его жизни. Достаточно копнуть чуть глубже, и мы увидим более ясно, почему это обращение привело к такому «непобедимому постоянству» Кальвина в приверженности идее величия Божия и истинности Божьего Слова. Вот слова, которые углубят наше понимание:

Поэтому, просвещенные силой [Духа], мы верим, что Писание есть от Бога, но не по своему собственному [обратите внимание на это!] разумению, и не по представлению кого-то другого; но, сверх всякого человеческого разумения мы утверждаем с абсолютной уверенностью (так, как если бы мы видели перед собой величие Самого Бога), что Оно вышло из самих уст Божиих и дошло до нас посредством служения людей. (I, vii, 5)

Это почти непостижимо. Он говорит, что его убежденность относительно величия Бога в Писании основывается не на суждении кого-либо из людей, ни даже на его собственном.

Что он имеет в виду? Когда я ломал голову над этим, слова апостола Иоанна вдруг пролили долгожданный свет на то, что здесь Кальвин пытается объяснить. Вот ключевые слова из 1 Иоанна, 5:7-11:

И Дух свидетельствует, ибо Дух есть истина... Если мы принимаем свидетельство человеческое, свидетельство Божие [= Духа] – больше, ибо это есть свидетельство Божие, которым Бог свидетельствовал о Сыне Своем... Свидетельство сие состоит в том, что Бог даровал нам жизнь вечную, и сия жизнь в Сыне Его.

Другими словами, «свидетельство Божие», то есть внутреннее свидетельство Духа, больше, чем всякое человеческое свидетельство, – включая, – как, я думаю, Иоанн сказал бы в этом контексте, – свидетельство нашего собственного рассудка. И что же это за свидетельство Божие? Это не просто слово, адресованное нашему разуму для размышления, ибо тогда наше убеждение основывалось бы на этом размышлении. Тогда что же оно такое? Стих 11 дает нам ключ: «Свидетельство же сие состоит в том, что Бог даровал нам жизнь вечную».

Это в том смысле, что Бог свидетельствует нам о Своей реальности и реальности Своего Сына и Его Слова тем, что дарует нам воскрешение из мертвых, чтобы мы живыми приблизились к Его величию и увидели Его таким, каков Он есть в Его Слове. В тот момент наше мышление не идет в привычном русле от посылок к умозаключению, мы сразу видим, что воскресли, и мы не имеем об этом даже малейших априорных человеческих представлений, на которые мы могли бы опереться, чтобы составить наше умозаключение. Когда Лазарь вышел из гробницы по призыву, или по «свидетельству» Христа, он знал без рассуждения о том, что жив, и что этот призыв воскресил его.

Вот как Дж. Пэккер объясняет это:

Внутреннее свидетельство Духа в Жане Кальвине представляет собой результат труда по просветлению посредством словесного свидетельства, когда слепые глаза духа открываются и божественные реалии распознаются и принимаются такими, какие они есть. Это распознавание, говорит Кальвин, представляет собой акт мгновенный и не поддающийся

анализу, подобно восприятию цвета или ощущению вкуса физическими органами чувств, т. е. такое действие, о котором можно сказать лишь то, что когда оказались в наличии соответствующие стимулы, оно произошло, а когда оно произошло, тогда мы узнали о том, что оно произошло (см. сноску 17).

Итак, еще в свои неполных двадцать пять Жан Кальвин испытал чудо открытия своих духовных глаз Духом Божиим. И то, что он увидел сразу, и без всякого вмешательства последовательного человеческого рассуждения, были две вещи, настолько переплетенные друг с другом, что они определяют всю его дальнейшую жизнь: величие Божие и Слово Божие. Слово говорило о величии, а величие подтверждало Слово. С этих пор он станет человеком, который полностью посвятит себя задаче раскрытия величия Божия путем толкования Слова Божия.

«Институты», потом Женева

Какую форму примет это служение? Кальвин знал, чего хотел. Он хотел иметь досуг литератора, чтобы распространять реформатскую

веру как литературовед (см. сноску 18). Это было то, к чему, как он думал, он имел способности от природы. Но у Бога были совершенно иные планы для него, как, впрочем, и для многих из нас.

После того, как ему удалось уехать из Парижа и навсегда оставить Францию, он находился в ссылке в Базеле, Швейцария, между 1534 и 1536-м годами. Чтобы даром не терять время, «он посвятил себя изучению древнееврейского» (см. сноску 19). В марте 1536 года он выпустил там первое издание своих «Институтов», которые подвергнутся еще пяти доработкам, пока не приобретут свой окончательный вид в 1559-м году. И не следует думать, что это было просто некое академическое упражнение для него. Много лет спустя он расскажет нам, что им двигало тогда:

Но, пока я так «лежал на дне» в Базеле, известный лишь немногим, многие верные и святые горели на кострах во Франции... Мне казалось, что если я сейчас не начну противодействовать [преступникам] изо всех моих сил, то мое молчание будет расценено как трусость и предательство. Именно это

подвигло меня на опубликование «Институтов христианской веры»... Это произведение было опубликовано с одной лишь целью, – чтобы люди знали, какой веры держались те, которых так подло и зло бесчестили.

Поэтому, когда вы берете в руки «Институты» Жана Кальвина, помните, что богословие для Жана Кальвина выковывалось в печи сжигаемой плоти, и что Кальвин не мог безучастно сидеть и смотреть на это, не предприняв усилия для того, чтобы сделать хотя бы что-то в защиту верных и Бога, за Которого они страдали. Я думаю, что наше богословие сегодня было бы гораздо чище, если бы наши высказывания были бы сопряжены с большим риском.

В 1536 году Франция объявила временную амнистию всем, кто бежал из нее. Кальвин вернулся, уладил все свои дела и снова уехал, на этот раз уже навсегда, взяв с собой своего брата Антуана и сестру Марию. Он намеревался уехать в Страсбург, и там продолжить свою тихую жизнь литератора. Однако позднее он напишет другу: «на своем опыте я убедился, что мы неспособны видеть, что нас ждет даже в ближайшем будущем. Тогда, когда я уже

предвкушал себе легкую, безмятежную жизнь, впереди у меня было то, чего я менее всего ожидал» (см. сноску 20). Начавшаяся война между Чарльзом V и Франциском I привела к передвижению войск, которые перекрыли дорогу на Страсбург, и Кальвин был вынужден добираться в него окольным путем через Женеву. Оглядываясь назад с позиции сегодняшнего дня, не перестаешь удивляться Провидению Божию, что Он расположил войска таким образом, чтобы Его пастыри оказались на тех местах, где Ему угодно, чтобы они были.

В ту ночь, которую он провел в Женеве, Уильям Фарел, страстный приверженец и лидер движения Реформации в том городе, узнал, что он в городе, и разыскал его. То была встреча, которая изменила ход истории, и не только для Женевы, но и для всего мира. Кальвин рассказывает нам о том, что там произошло, в своем предисловии к комментариям на Псалмы:

Фарел, горевший чрезвычайно сильным желанием распространять евангелие, сразу же выяснил, что мое сердце было настроено на то, чтобы предаться уединенным исследованиям, ради которых я

хотел сохранить свободу от других занятий, и поняв, что уговорами ничего не добьется, он вдруг произнес слова о проклятии, что Бог проклянет мое уединение и ту тихую жизнь исследователя, к которой я стремился, если я отойду в сторону и откажусь оказать помощь, когда в ней так сильно нуждаются. Услышав это проклятие, я так сильно испугался, что отказался от моей поездки, которую я предпринял (см. сноску 21).

Ход его жизни изменился необратимо, и не только в географическом смысле, но также и в смысле призвания. Никогда больше с тех пор Кальвин не будет работать в обстановке, которую он называл «в тиши кабинетов». С этих пор каждая страница из сорока восьми томов его книг, трактатов, проповедей, комментариев и писем, которые он написал, будет выковываться на наковальне пасторского служения.

Он принял на себя в Женеве должность сперва Профессора Священного Писания, и уже через четыре месяца был назначен Пастором церкви Святого Петра, одной из трех приходов в 10-тысячном городке, который представляла собой Женева.

Городской совет совсем не был рад видеть ни Фарела, ни Кальвина на должности Пастора, так как они не исполняли все его капризы. Поэтому они оба были изгнаны из города в апреле 1538 года.

После этого Кальвин вздохнул с облегчением, думая, что Бог освобождает его от бремени пасторских обязанностей, чтобы он смог посвятить себя своим занятиям. Но когда Мартин Бусер узнал о том, что Кальвин не при делах, он применил тот же прием, чтобы убедить его приехать в Страсбург, какой применил Фарел, когда убеждал его остаться в Женеве. Кальвин писал, что «замечательнейший служитель Христов, Мартин Бусер, применив подобный же прием, состоявший из увещаний и сильных слов, таких же, к каким прибегал раньше Фарел, вернул меня опять в состояние тревоги. Встревоженный примером Ионы, который он привел мне, я отказался от своих планов погрузиться в исследования и продолжил труд учительства» (см. сноску 22). То есть, он согласился поехать в Страсбург, чтобы учить. И в течение трех лет Кальвин служил пастором для более чем 500 французов-беженцев в Страсбурге, а также препода-

вал им Новый Завет. Там он также написал свой первый комментарий на послание к Римлянам, а также выпустил второе, расширенное издание своих «Институтов».

Наверное, самым важным делом Провидения за этот трехлетний период пребывания в Страсбурге было то, что он там нашел себе жену. Несколько раз Кальвину пытались подобрать жену. Ему был 31 год, и очень многие женщины выказывали свой интерес к нему. Кальвин рассказал своему другу и своднику Уильяму Фарелу, какую он хочет себе жену: «Единственная добродетель, что привлекает меня, – это чтобы она была целомудренна, не слишком мила или утонченна, практичная, терпеливая, желающая заботиться о моем здоровье» (см. сноску 23). Паркер комментирует: «романтическая любовь..., похоже, не имела отклика в его характере, но вот самое простое, прозаичное ухаживание привело к счастливому браку» (см. сноску 24). Я думаю, Паркер был неправ относительно романтической любви (см. ниже о смерти Иделетты). А что касается прозаического ухаживания, о котором он говорит, то оно было по отношению к вдове-анабаптистке, которая вступила в его общину вместе со сво-

им мужем Жаном. Весной 1540 года Жан умер от чумы, и 6 августа того же 1540 года Кальвин и Иделетт поженились. Она пришла в дом Кальвина со своим сыном и дочерью.

Тем временем там, в Женеве, хаос, создавшийся после ухода Кальвина и Фарела, заставил отцов города смягчить свое мнение о них, так что они готовы были думать, что Кальвин и Фарел вовсе и не такие уж плохие пасторы, как им казалось раньше. 1-го мая 1541 года городской совет отменил свой запрет на Кальвина, и даже возвеличил его как человека Божия. Тем самым он поставил Кальвина перед очень трудным для него выбором, так как он знал, что жизнь в Женеве будет для него полна конфликтов и опасностей. Ранее, в октябре того же года он как-то сказал Фарелу, что он предпочел бы не ехать в Женеву, «однако, поскольку я знаю, что себе не принадлежу, я приношу мое сердце как истинную жертву Богу» (см. сноску 25). Эти слова стали девизом всей жизни Кальвина, а на его эмблеме была изображена протянутая к Богу рука, держащая сердце, с надписью: *prompte et sincere* («искренне и с готовностью»).

Во вторник, 13-го сентября 1541 года он приехал в Женеву во второй раз, чтобы прослужить

пастором в тамошней церкви до своей смерти 27-го мая 1564 года. Его первый сын Жак родился 28 июля 1542 года, и умер спустя две недели. Он писал своему другу Вирету: «Господь нанес нам, конечно же, очень глубокую и тяжелую рану, отняв у нас нашего сынишку. Однако Он Сам Отец и лучше знает, что есть благо для Его детей» (см. сноску 26). Это – тот вид смирения под руку Божию, которое Кальвин проявлял во всех своих бесчисленных испытаниях.

Иделетт с тех пор так и не отошла от этого потрясения. У них родилось еще двое детей, которые также умерли при родах или сразу после них. После этого, 29-го марта 1549 года и сама Иделетт умерла, вероятно, от туберкулеза. Кальвин писал Вирету:

Ты же знаешь, насколько мое сердце ранимо, и насколько я впечатлителен. Если бы не этот дар держать себя в руках, который был дан мне, я бы не смог держаться так долго. К тому же, воистину, моя утрата – особенная, не такая, как у других. Я лишился лучшего спутника моей жизни, той, которая, если бы была на то воля

Божия, охотно поделила бы со мной не только мою нищету, но даже и смерть. При жизни она была всегда верной помощницей мне в моем служении. С ее стороны я никогда не встречал ни малейшего препятствия. Она никогда не была в тягость мне за все время своей болезни, но всегда больше беспокоилась о своих детях, чем о себе. Так как я боялся, что эти постоянные тревоги о детях будут только беспричинно расстраивать ее, за три дня до ее смерти я твердо пообещал ей, что я всегда буду неуклонно исполнять свой долг по отношению к ее детям» (см. сноску 27).

После этого Кальвин никогда уже больше не женился. И это было только на пользу. Тот ритм жизни, который он поддерживал, не оставлял ему слишком много времени на жену или детей. Его знакомая, Колладон, которая жила в Женеве в эти годы, описывает его жизнь так:

Кальвин совсем не жалел себя, нагружая себя работой сверх своих сил и возможностей своего организма. Он проповедо-

вал обычно каждый день в течение недели с перерывом на вторую неделю (и дважды каждое воскресенье, или всего около 10 раз каждые две недели). Каждую неделю три раза в неделю он читал лекции по богословию... В назначенный день он появлялся в Консистории и устраивал там взбучку... Каждую пятницу на библейских занятиях ... он обычно вставал и дополнял выступление руководителя кружка, что превращалось в почти что лекцию. Он никогда не уставал посещать больных, а также исполнять всю остальную бесчисленную массу обычных дел, возникающих в ходе исполнения им своего служения. Однако помимо этих обычных дел он очень много внимания уделял верующим во Франции, не оставляя их без наставления, увещания, совета и утешения в своих письмах к ним в период гонений на них, а также ходатайствуя о них... . Однако все это не мешало ему продолжать работать над своими особыми исследованиями и написать множество прекрасных и очень полезных книг» (см. сноску 28).

Его непобедимое постоянство в служении

Он был, как Вольфганг Мускулус назвал его, «всегда натянутым луком». В каком-то отношении он, казалось, проявлял заботу о своем здоровье. Колладон говорит, что «он в течение многих лет питался один раз в день, и никогда не брал в рот ничего между двумя приемами пищи...» Объяснял он это тем, что слабость его желудка и его мигрени преодолевались, как он познал на опыте, только постоянным воздержанием (см. сноску 29). Но, с другой стороны, он проявлял явную беспечность в отношении своего здоровья, работая дни и ночи почти без перерыва. О напряженности его жизни можно судить хотя бы вот по этому письму к Фалэ в 1546 году: «Помимо проповедей и лекций, я целый месяц не делал больше практически ничего, так что я испытываю почти что стыд из-за того, что столь бесполезно трачу время» (см. сноску 30). «Всего лишь» 20 проповедей и 12 лекций за один только этот месяц!

Чтобы лучше представить себе эту железную выносливость, прибавьте к этому рабочему графику «стабильно плохое самочувствие» (см. сноску 31). В 1564 году, когда ему было 53 года, он писал своим врачам о коликах,

кровохаркании и приступах лихорадки и подагры, а также о «невыносимых страданиях», которые доставлял ему геморрой (см. сноску 32). Но самые большие страдания доставляли ему камни в почках, которые выходили со страшной болью, которую невозможно было унять никакими средствами.

Они причиняли мне особо острую боль. ... Наконец, с очень болезненными потугами я извлек из себя камень, что в какой-то степени умерило мои страдания, однако этот камень был таких размеров, что он разорвал мочеиспускательный канал и открылось большое кровотечение. Его можно было остановить только введением в канал молока через шприц (см. сноску 33).

Помимо всего этого напряженнейшего графика и физических страданий, он слышал в свой адрес угрозы для жизни. «Часто под окнами его дома (в Женеве) собиралась толпа, выкрикивавшая в его адрес угрозы бросить его в реку и палившая из мушкетов» (см. сноску 34). Лежа на смертном одре, Кальвин сказал собравшимся вокруг него пасторам:

«я жил здесь, в атмосфере постоянного неприятия со стороны многих. Почти каждый вечер у дверей моего дома меня в насмешку встречали сорока или пятьюдесятью выстрелами из аркебузы (большой пушки)» (см. сноску 35). В письме Меланхтону в 1558 году он писал, что в этом регионе вот-вот разразится война, и что вражеские войска могут достичь Женевы за полчаса. «Из чего вы можете заключить», – писал он, – «что нам нужно бояться не только ссылки, но что все разновидности жестокой смерти угрожают нам, ибо в борьбе за дело веры их варварство не знает границ» (см. сноску 36).

Одними из самых острых «заноз в теле» для Кальвина были женевские либертинцы. Но и здесь также его стойкость одержала победу, и притом весьма необычным образом. В каждом городе Европы мужчины держали домоправительниц. Когда Кальвин начал свое служение в Женеве в 1536 году в возрасте 27 лет, там действовал закон, запрещающий мужчинам содержать более одной домоправительницы (см. сноску 37). Несмотря на то, что Кальвин более пятнадцати лет проповедовал как пастор в церкви святого Петра, безнравственность

была настоящим бедствием, причем даже для церкви. Либертинцы хвалились своей распущенностью. Для них «общение святых» означало общее владение собственностью, домами, телами и женами. Поэтому они совершали прелюбодеяния и потворствовали сексуальной распущенности во имя христианской свободы. При этом они заявляли о своем праве сидеть за Господней трапезой на хлебопреломлении (см. сноску 38).

Кризис, назревавший в общине, дошел до ведома ее главы в 1553 году. Одному зажиточному либертинцу по имени Бертелье Консистерия отказала в праве участвовать в Вечере Господней, однако он обжаловал это решение в городском совете, который отменил это решение Консистерии. Это поставило Кальвина в трудную ситуацию, который, с одной стороны, не желал и думать о том, чтобы уступить государству права на отлучение, но с другой стороны не мог и допускать больше либертинца к трапезе Господней.

Разрешилась эта ситуация, как и всегда, славой Христовой. Он писал Вирету: «я поклялся в том, что лучше предпочту смерть, чем буду бесчестить таким позорным образом Святую

Вечерю Господню... Мое служение будет тщетным, если я допущу поправление авторитета Консистерии и дам причастие Христово открытым ругателям... Я лучше умру сто раз, чем подвергну Христа такому мерзкому надругательству» (см. сноску 39).

И вот наступил день испытания, – день Вечери Господней. Явились либертинцы, чтобы принять участие в Вечере Господней. Это был критический момент для всей реформатской церкви в Женеве.

Проповедь отзвучала, все молитвы произнесены, и Кальвин сошел с кафедры, чтобы занять свое место за столом Причастия перед чашей и хлебом. Он должным образом освятил хлеб и вино и уже был готов раздать их причащающимся, как вдруг смутьяны-израильтяне ринулись все в направлении стола с причастием... Кальвин закрыл руками священные сосуды, будто защищая их от осквернения, при этом по всему зданию прозвучал громким эхом его голос:

«Эти кисти вы можете раздавить, эти руки вы можете отрубить, можете забрать мою жизнь, и кровь моя, – в ваших руках, можете ее пролить, но вы никогда

не заставите меня отдать святыни неосвященным, и осквернить трапезу моего Господа». «После этого», – говорит Беза, первый биограф Кальвина, «священнодействие проходило в глубокой тишине и в торжественном благоговении, ощущавшемся всеми присутствующими, как если бы Сам Бог присутствовал посреди них видимым образом» (см. сноску 40).

Я упоминаю все эти зловключения в Женеве лишь для того, чтобы как можно рельефнее показать непобедимое постоянство Жана Кальвина в служении, к которому Бог его призвал. Ранее мы задавали вопрос: что произошло в Жане Кальвине такого, что сделало из него человека настолько поглощенного величием Божиим? И какого рода служение стало следствием этого? Мы ответили на первую часть этого вопроса, сказав, что Кальвин ощущал сверхъестественное внутреннее свидетельство Духа о Величии Бога в Писании. Поэтому все, о чем он думал и писал, имело целью показать величие и славу Божию.

Итак, каков же ответ на вторую часть этого вопроса: какой тип служения это породило?

Частично мы уже ответили на этот вопрос: это породило служение невероятной стойкости, – то, что я назвал, говоря словами Кальвина, «служением непобедимого постоянства» (см. сноску 41). Но это только половина всего ответа. Это было служение постоянного изъяснения Слова Божия. Постоянство это имело цель, – изъяснение, истолкование слова Божия.

Кальвин видел в Писании величие Божие, и это убедило его в том, что Писание и есть непосредственное слово Бога. Он говорил: «мы должны оказывать Писанию такое же почтение, какое мы оказываем Богу, так как оно изшло от Него лишь одного, и человек не привнес в него ничего своего» (см. сноску 42). Он узнал на собственном опыте, что «самое верное доказательство истинности Писания в целом основывается на том факте, что в нем говорит с нами лично Сам Бог» (см. сноску 43). Эти истины вели, по Кальвину, к неизбежному выводу, а именно: поскольку Писание представляет собой Сам записанный голос Божий и поскольку поэтому оно уже само по себе, как таковое, является доказательством истинности содержащихся в нем откровений о величии Бога, и поскольку величие и слава Бога, –

единственная причина и цель всего сущего, то из этого следует, что и жизнь Кальвина должна характеризоваться непобедимым постоянством в разъяснении Писания.

Все служило одной цели – толкованию Писания

Он писал трактаты, написал великую книгу «Институты», написал комментарии (на все книги Нового Завета, кроме Откровения, плюс Пятикнижие, Псалтырь, Исайю и Иисуса Навина), читал лекции по Библии (многие из которых были опубликованы как настоящие комментарии), а также проповедовал по десять проповедей каждые две недели, однако все это без исключения являлось толкованием Писания. Дилленбергер сказал: «Кальвин понимал, что весь его богословский труд представляет собой исключительно труд истолкования Писания» (см. сноску 44). В своей последней воле и завещании он писал: «я старался в моих проповедях, а также в моих сочинениях и комментариях проповедовать слово чисто и целомудренно, а также прилежно истолковывать Его священное Писание» (см. сноску 45).

У него все было истолкованием Писания. Это было служение, родившееся от видения

величия Бога в Писании. Писание было высшим авторитетом, поскольку оно было абсолютным Словом Бога, и его главным лейтмотивом, доказывавшим его истинность, было величие и слава Божия. Однако из всех этих трудов по истолкованию проповедь занимала высшее место. Эмиль Думерж, самый скрупулезный биограф Жана Кальвина, написавший шеститомную биографию Кальвина, сказал, выступая на собрании, посвященном 400-й годовщине со дня рождения Кальвина: «Для меня Кальвин, реальный и настоящий Кальвин, истолковывающий всех остальных, представляется вот каким: Кальвином-проповедником из Женевы, выковывающим своими словами дух Реформации шестнадцатого столетия» (см. сноску 46).

Проповедь Кальвина строилась всегда одинаково от начала и до конца его жизни: он проповедовал, последовательно переходя от предыдущей к последующей книге Библии. Он никогда не отступал от этого стиля проповеди за все свои почти двадцать пять лет служения в церкви Святого Петра в Женеве, – за исключением нескольких торжественных праздничных церемоний и особых случаев. «По воскресеньям он всегда читал из Нового Завета,

за исключением нескольких псалмов, которые читались в тот же день вечером. В течение же недели ...проповедь неизменно строилась на Ветхом Завете» (см. сноску 47). Из сохранившихся записей его проповедей можно насчитать менее полдюжины исключений из этого правила ради начала нового христианского года. Он почти полностью игнорировал Рождество и Пасху при выборе тем для своих проповедей (см. сноску 48).

Чтобы дать вам некоторое представление об объеме и тематике проповедей Кальвина, скажем, что он начал серию своих проповедей с книги Деяний 25 августа 1549 года и закончил ее в марте 1554 года. После Деяний он перешел к посланиям к Фессалоникийцам (46 проповедей), Коринфянам (186 проповедей), пастырским посланиям (86 проповедей), Галатам (43 проповеди), Ефессянам (48 проповедей), и так до мая 1558 года. Затем следует перерыв, когда он болел. Весной 1559 года он начал книгу «Гармония евангелий» и умер в 1564 году, так и не закончив ее. В течении одной недели в этот период он проповедал 159 проповедей на книгу Иова, 200 на Второзаконие, 353 на Исайю, 123 на Бытие и т.д. (см. сноску 49).

Одним из самых ярких свидетельств того, что эта последовательность была сознательным выбором Кальвина, является тот факт, что в день Пасхи 1538 года после проповеди он оставил кафедру собора Святого Петра, изгнанный решением городского Совета, но спустя три года, в сентябре 1541 года, вернувшись, продолжил свое толкование со следующего стиха (см. сноску 50).

Откуда такая непоколебимая сконцентрированность на последовательном разъяснительном проповедовании? Я упомяну три причины. Они настолько же важны для нас сегодня, как и для шестнадцатого века.

Во-первых, Кальвин верил, что Слово Божье является светильником, который изъяли из церквей. Он говорил в собственном свидетельстве: «Твое Слово, Которое должно было бы просвещать весь Твой народ, подобно светильнику, или отнято от нас, или угашается... И теперь, о Господи, мне, окаянному, ничего не остается, как только слезно молить Тебя не судить меня по моим заслугам, по моему устремляющему оставлению Твоего Слова, от чего по Твоей дивной милости и благодати Ты, наконец, избавил меня» (см. сноску 51). Кальвин

считал, что последовательное толкование книг Библии есть лучший способ преодоления этого «устрашающего оставления Слова Божьего».

Во-вторых, Паркер говорит, что Кальвин страшно боялся за тех, кто высказывал свои собственные мысли за кафедрой. Он говорил: «когда мы встаем за кафедру, мы должны тут же отложить наши собственные мечты и представления» (см. сноску 52). Он считал, что, истолковав все Писание, он неизбежно скажет все, что Бог хотел сказать, а не только то, что он хотел сказать.

В-третьих, – и это снова возвращает нас назад, к самому началу, когда Кальвин впервые увидел величие Бога в Его Слове, – он верил всем сердцем, что Слово Божье является на самом деле Словом Бога, и что все оно богдохновенно, полезно для души и пронизано светом славы Божией. В Проповеди номер 61 на Второзаконие он призывает нас:

Пусть пасторы смело дерзают достигать всего Словом Божьим... Пусть они укрощают всю власть, славу и блеск мира, чтобы дать место и покориться Божественному величию этого Слова. Пусть увещевают они каждого жить по Нему,

от высших до низших, пусть они назидают Тело Христово, пусть разоряют они царство сатаны, пусть пасут они овец, убивают волков, наставляют и увещевают непокорных; пусть связывают и разрешают молнии и громы, если нужно, но только пусть делают все это в соответствии с Божиим Словом (см. сноску 53).

Ключевая фраза здесь, – «Божественное величие этого Слова». Это всегда было для Кальвина наиважнейшим вопросом. Как ему лучше всего решить эту задачу, – показать всей Женеве и всей остальной Европе, да и всей истории величие Божие? Он показал это своей жизнью, посвятив ее всю толковательной проповеди Писания. Нет лучше способа явить всю полноту славных совершенств Бога и величия Его Существа, чем развернуть панораму всего Божьего Слова в контексте истинно пастырского служения попечения о пастве.

Лично я убежден, что именно по этой причине проповедь продолжает занимать центральное место в жизни церкви даже через 500 лет после изобретения печатного пресса и прихода радио, телевидения, кассет, компакт-дисков и

компьютеров. Божье Слово говорит главным образом о величии Бога и славе Бога. И это – главная тема для проповедования. И даже если познание славы и величия Божия в Его Слове приходит от слышания мягкого, нежного голоса, ободряющего святого на его смертном одре, оно несет невероятную радость и желание толкования. Вот почему проповедь никогда не прекратится. И радикальная, всеохватывающая сконцентрированность на Боге всегда будет создавать жажду проповедования среди Божьего народа. Если Бог есть «Я есмь», Сущий, – великий, абсолютный, суверенный, таинственный, всеславный, величественный Бог, каким Его видел Кальвин в Писании, тогда проповедь будет всегда, потому что чем больше этот Бог познается и чем больше на Нем сосредотачиваются, тем острее мы будем ощущать, что Его не только нужно анализировать и изъяснять, но Его также нужно призывать, провозглашать и возвеличивать в дающем радость толковании.

* * *

Приложение

Варварский мир времен Кальвина – Дело Мигеля Сервета

Та Европа, в которой родился Жан Кальвин 10-го июля 1509 года, была жестокой, безнравственной и даже варварской. Тогда не знали еще ни канализации, ни водопровода, ни центрального отопления, ни холодильников, ни антибиотиков, ни пенициллина, ни аспирина, ни операций по удалению аппендицита, ни новокаина для утоления зубной боли при вырывании зубов, ни электрического освещения (для занятий ночью), ни водонагревателей, ни стиралок, ни сушильных печей, ни шариковых ручек, ни печатных машинок, ни компьютеров, ни двигателей. Условия жизни были очень суровы.

Кальвин же, как и многие в его времена, страдал от «почти постоянного плохого самочувствия» (см. сноску 54). В 1564 году, когда ему было 53 года, он писал своим врачам о коликах, кровохаркании и приступах лихорадки и подагры, а также о геморрое. Он писал: «язва на геморроидальных венах уже давно доставляет мне невыносимые страдания»

(см. сноску 55). Но самые большие страдания доставляли ему камни в почках, которые выходили со страшной болью, которую невозможно было унять никакими средствами.

Они причиняли мне особо мучительную боль... Наконец, с очень болезненными потугами я извлек из себя камень, что в какой-то степени умерило мои страдания, однако этот камень был таких размеров, что он разорвал мочеиспускательный канал и открылось большое кровотечение. Его можно было остановить только введением в канал молока через шприц. Мой сидячий образ жизни, на который меня обрекает подагра, лишает меня всяких надежд на исцеление. Также из-за геморроя я не могу совершать прогулки верхом на лошади (см. сноску 56).

Если его физическая жизнь была отягощена страданиями, то его жизнь в обществе была еще более тягостной. «Часто под окнами его дома (в Женеве) собиралась толпа, выкрикивавшая в его адрес угрозы бросить его в реку и палившая из мушкетов» (см. сноску 57). Лежа на смертном одре, Кальвин сказал

собравшимся вокруг него пасторам 28-го апреля 1564 года: «я жил здесь в атмосфере постоянного неприятия со стороны многих. Почти каждый вечер у дверей моего дома меня в насмешку встречали сорока или пятьюдесятью выстрелами из аркебузы (большой пушки)» (см. сноску 58).

Жизнь в то время была не только суровой, она была еще и безнравственной. В каждом городе Европы мужчины держали домоправительниц. Когда Кальвин начал свое служение в Женеве в 1536 году в возрасте 27 лет, там действовал закон, запрещавший мужчинам содержать более одной домоправительницы (см. сноску 59). Несмотря на то, что Кальвин более пятнадцати лет проповедовал как пастор в церкви святого Петра, безнравственность была настоящим бедствием, причем даже для церкви, особенно среди так называемых либертинцев. Они были копией шестнадцатого века той же самой группы, которая была в коринфской церкви времен апостолов, хвалившейся своей распущенностью. Для них «общение святых» означало общее владение собственностью, домами, телами и женами. Поэтому они совершали прелюбодеяния и потворствовали

сексуальной распущенности во имя христианской свободы. При этом они заявляли о своем праве сидеть за Господней трапезой на хлебопреломлении (см. сноску 60).

Те времена были не только суровыми и безнравственными, они часто были просто варварскими. Этот момент важно учитывать, поскольку Кальвин не избежал влияния своего времени. Он описывал в одном из своих писем жестокость, царившую в Женеве: «Недавно был раскрыт заговор мужчин и женщин, которые на протяжении трех лет умышленно распространяли чуму по городу, но каким дьявольским способом они это делали, не знаю». Итогом этого стало то, что пятнадцать женщин были сожжены на костре. «Некоторые же мужчины», – писал он, – «были наказаны еще более суровым образом; некоторые покончили с собой в тюрьме; но, несмотря на то, что двадцать пять человек из них все еще находятся в тюрьме, заговорщики не прекращают мазать дверные замки домов своей ядовитой мазью» (см. сноску 61).

Такое наказание ждало не только преступников, но и всех реформаторов. Кальвин был вынужден покинуть свою родину, Францию,

под угрозой смерти. Последующие 20 лет он сострадал душой оставшимся там мученикам и вел переписку со многими из них. В 1552 году пять молодых пасторов, обученных в Швейцарии, вернулись во Францию как миссионеры и были арестованы. Кальвин постоянно пишет им письма, подкрепляя их в испытании. Они были осуждены на смерть через сожжение. «Мы молимся», – писал он, – «чтобы Бог прославил Себя еще более благодаря вашей стойкости, и чтобы Он утешением Своего Духа усладил и сделал радостным все, что так горько для плоти, тем самым растворил ваш дух в Себе, чтобы, созерцая ваш небесный венец, вы были готовы без сожаления оставить все, что принадлежит этому миру (см. сноску 62).

В письме Меланхтону 19-го ноября 1558 года он писал, что в этом регионе вот-вот разразится война, и что вражеские войска могут достичь Женевы за полчаса. «Из чего вы можете заключить», – писал он, – «что нам нужно бояться не только ссылки, но что все разновидности жестокой смерти угрожают нам, ибо в борьбе за дело веры их варварство не знает границ» (см. сноску 63). Таким образом, Кальвин жил во времена невероятной жестокости

и почти ежедневной близости смерти, которая могла наступить в результате мучительной болезни или страшной пытки, и все это без какой-либо надежды на хотя бы временное утоление боли. То было суровое, безнравственное и варварское время.

Эта атмосфера породила как величайшее, так и самое позорное достижение Кальвина. Величайшим достижением было написание труда «Институты христианской веры», а самым позорным – его участие в осуждении еретика Мигеля Сервета на сожжение на костре в Женеве.

«Институты» впервые были опубликованы в марте 1536 года, когда Кальвину было 26 лет. Они выдержали пять изданий и дополнений, пока не обрели свой окончательный вид в 1559 году. Если бы это было все, что написал Кальвин, и не было бы остальных 48 томов других его трудов, то этого было бы достаточно, чтобы считать его передовым богословом Реформации. Однако этот труд появился не из одних только академических соображений. Вот почему он написал его вскоре после того, как был изгнан из Франции и скрывался в безопасном Базеле:

Но, пока я так «лежал на дне» в Базеле, известный лишь немногим, многие верные и святые горели на кострах во Франции... Мне казалось, что если я сейчас не начну противодействовать им [преступникам] изо всех моих сил, то мое молчание будет расценено как трусость и предательство. Именно это подвигло меня на опубликование «Институтов христианской веры»... Это произведение было опубликовано с одной лишь целью, – чтобы люди знали, какой веры держались те, которых так подло и зло бесчестили (см. сноску 64).

Таким образом, именно варварство расправ с верными во Франции побудило Кальвина написать первую редакцию своих «Институтов».

Однако это же варварство было присуще и ему, и он не смог отделить себя от него. Мигель Сервет был испанцем, – врачом, адвокатом и богословом. Его учение о Троице было оригинальным настолько, что повергло в шок в равной степени как католиков, так и протестантов его времени. В 1553 году он опубликовал свои взгляды и был арестован католиками во Франции. Но, к несчастью для него, бежал в Женеву. Там он был арестован и сам

Кальвин вел дело против него. Он был приговорен к смерти. Кальвин ратовал за быструю казнь, но его сожгли на костре 27 октября 1553 года (см. сноску 65).

Это настолько запятнало имя Кальвина, что многие до сих пор не желают слышать о его учении. Однако еще неизвестно, не поступили ли бы многие из нас таким же образом, если бы мы оказались в атмосфере того времени (см. сноску 66). Меланхтон был соратником Мартина Лютера с тихим голосом и мягким нравом, которого Кальвин после встречи с ним полюбил. Он писал Кальвину по поводу дела Сервета: «я полностью поддерживаю ваше мнение и требую также, чтобы ваши магистраты действовали весьма быстро в вынесении смертного приговора этому богохульнику» (см. сноску 67). Кальвин никогда не занимал гражданскую должность в Женеве (см. сноску 68), влияние он имел лишь как пастор. Тем не менее, в случае с этим приговором его руки так же запятнаны кровью Сервета, как руки Давида были запятнаны кровью Урии, что только прибавляет важности признаниям Кальвина в конце его жизни. 25-го апреля 1564 года, за месяц до своей смерти, он призвал магистратов города в свою комнату и произнес следующие слова:

Всей своей душой я принимаю милость, которую Бог проявил ко мне чрез Иисуса Христа, искупив мои грехи заслугами Его смерти и страдания, чтобы таким образом утолить Свой гнев за все мои преступления и ошибки, и изгладить их из памяти... Я признаюсь, что в бесчисленном множестве случаев я не исполнял мое служение должным образом, и если бы Он, из Своей безграничной благодати, не помог мне, вся эта ревность очень быстро прошла бы и оказалась бы тщетной... . Посему, учитывая все это, я свидетельствую вам и заявляю, что не вижу никакого иного прочного основания для моей веры в мое спасение, кроме того, что Бог есть Отец милости и что Он явит Себя таким Отцом для меня, признающего себя несчастным грешником (см. сноску 69).

Т. Паркер писал: «он никогда бы не смог вести брань на поле веры с помощью мирского оружия» (см. сноску 70). Пришел ли Кальвин к такому же заключению до своей смерти, мы не знаем. Зато мы знаем, что Кальвин осознавал себя «несчастливым грешником», чья единственная надежда ввиду «всех его

преступлений» заключалась в милости Божией и в Крови Иисуса.

Таким образом, как те жестокие, безнравственные и варварские времена накладывали свой негативный отпечаток на всех, живших тогда, так и сейчас все мы поражены язвами нашего времени. Просто их язвы и заблуждения были другими. И вполне возможно, что то, что было очевидным для них, для нас может быть закрыто. Было бы опрометчивым утверждать, что мы бы никогда не совершили то, что они сделали в их конкретных обстоятельствах, и поэтому, дескать, нам нечему у них поучиться. На самом же деле нам правильно было бы сказать, что мы слепы к некоторым нашим недостаткам так же, как и они были слепы ко множеству своих, и что, возможно, те добродетели, которые они являли в свое время, очень нужны в наше время. Жизнь и служение Жана Кальвина отличались огромной сосредоточенностью на Боге, верностью Библии и железным постоянством. Взяв за основу идею о Божьей милости к несчастным грешникам, нам было бы легче внимать проповеди и учиться.

Примечания:

1. David Wells. No Place for Truth, (Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans, Pub. Co., 1993), p. 300.

2. Цитата Tim Stafford, «God's Missionary to Us», Christianity Today, Dec. 9, 1996. Vol. 40, No. 4, p. 29.

3. Henry F. Henderson, Calvin in His Letters, (London: J. M. Dent and Co., 1909), p. 68.

4. John Dillenberger, John Calvin, Selections from His Writings, (Scholars Press, 1975), p. 89 (курсив мой).

5. Benjamin Warfield, Calvin and Augustine, (Philadelphia: The Presbyterian and Reformed Publishing Co., 1971), p. 24.

6. Geerhardus Vos, «The Doctrine of the Covenant in Reformed Theology» in Redemptive History and Biblical Interpretation: The Shorter Writings of Geerhardus Vos, (Phillipsburg, NJ: Presbyterian and Reformed Publishing Co., 1980), p. 241-242 (курсив мой).

7. Geerhardus Vos, «The Doctrine of the Covenant in Reformed Theology», p. 248.

8. John Dillenberger, John Calvin, Selections from His Writings, p. 95.

9. T. H. L. Parker, Portrait of Calvin, (Philadelphia: Westminster Press, 1954), p. 109.

10. Institutes of the Christian Religion, I, vii, 1. «Широкое распространение получило пагубное заблуждение о том, что Писание обладает ровно таким авторитетом, каким Его наделяет совет церкви. Как если бы вечная и нерушимая истина Божья зависела от решения людей!»

11. T. H. L. Parker, Portrait of Calvin, p. 55.

12. John Dillenberger, John Calvin, Selections from His Writings, p. 110.

13. John Dillenberger, John Calvin, Selections from His writings, p. 42.

14. John Dillenberger, John Calvin, Selections from His writings, p. 114, 115.

15. John Dillenberger, John Calvin, Selections from His writings, p. 26.

16. J. I. Packer, «Calvin the Theologian», in John Calvin: A Collection of Essays, (Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1966), p. 166. «Отвергая как римскую точку зрения о том, что Писание должно иметь авторитет, каким наделяет Его церковная власть, так и идею о возможности доказать божественный авторитет Писания на основе одних лишь доводов разума, Кальвин утверждает, что Писание само подтверждает свою истинность посредством внутреннего свидетельства Святого

Духа. Что же это за «внутреннее свидетельство»? Это не какое-то особое переживание, не какое-то новое личное откровение, и не экзистенциалистская «решимость», это – результат просветления».

17. J. I. Packer, «Calvin the Theologian», p. 166.

18. John Dillenberger, John Calvin, Selections from His writings, p. 86.

19. Theodore Beza, The Life of John Calvin, (Milwaukee, Oregon: Back Home Industries, 1996, из Эдинбургского издания 1844 года Общества Перевода Кальвина), p. 21.

20. T. H. L. Parker, Portrait of Calvin, p. 24.

21. John Dillenberger, John Calvin, Selections from His writings, p. 28.

22. John Dillenberger, John Calvin, Selections from His writings, p. 29.

23. T. H. L. Parker, Portrait of Calvin, p. 70.

24. T. H. L. Parker, Portrait of Calvin, p. 69.

25. W. de Greef, The Writings of John Calvin: An Introductory Guide, перевод Lyle D. Bierma, (Grand Rapids: Baker Book House, 1993), p. 38.

26. T. H. L. Parker, Portrait of Calvin, p. 71.

27. T. H. L. Parker, Portrait of Calvin, p. 71.

28. T. H. L. Parker, Calvin's Preaching,

(Louisville, KY: Westminster/John Knox Press, 1992), p. 62, 63.

29. T. H. L. Parker, John Calvin, A Biography, (Philadelphia: Westminster Press, 1975), p. 104.

30. T. H. L. Parker, John Calvin, A Biography, p. 103, 104.

31. John Calvin, Sermons on the Epistle to the Ephesians, (Edinburgh: The Banner of Truth Trust, 1973, orig. English 1577, ориг. французский, 1562), с предисловием от издательства, viii.

32. John Dillenberger, John Calvin, Selections from His writings, (Scholars Press, 1975), p. 78.

33. John Dillenberger, John Calvin, p. 78.

34. T. H. L. Parker, Portrait of Calvin, (Philadelphia: Westminster Press, 1954), p. 29.

35. John Dillenberger, John Calvin, p. 42.

36. John Dillenberger, John Calvin, p. 71.

37. T. H. L. Parker, Portrait of Calvin, p. 29.

38. Henry F. Henderson, Calvin in His Letters, (London: J. M. Dent and Co., 1909), p. 75.

39. Henry F. Henderson, Calvin in His Letters, p. 77.

40. Henry F. Henderson, Calvin in His Letters, p. 78, 79.

41. В проповеди по Иова 33:1, 7 Кальвин призывает проповедников к постоянству:

«В условиях, когда люди настолько забываются, что не могут подчинить себя Тому, Кто создал и образовал их, нам подобает проявлять непобедимое постоянство, и осознавать то, что мы неизбежно будем сталкиваться с враждой и неудовольствием других, когда будем исполнять свой долг; однако, тем не менее, давайте будем проходить через все это с несгибаемой решимостью». John Calvin, *Sermons from Job* by John Calvin, (Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1952), p. 245.

42. Цитата J. I. Packer, «Calvin the Theologian» in *John Calvin: A Collection of Essays*, (Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1966), p. 162.

43. *Institutes*, I. vii, 4.

44. John Dillenberger, *John Calvin*, p. 14.

45. John Dillenberger, *John Calvin*, p. 35f.

46. Цит. Harold Dekker, «Introduction», *Sermons from Job* by John Calvin, (Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1952), p. xii.

47. T. H. L. Parker, *Portrait of Calvin*, p. 82.

48. John Calvin, *The Deity of Christ and Other Sermons*, перевод Leroy Nixon, (Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans Pub. Co., 1950), p. 8.

49. Об этой статистике см. T. H. L. Parker, *Portrait of Calvin*, стр. 83, и W. de Greef, *The*

Writings of John Calvin: An Introductory Guide, p. 111, 112.

50. T. H. L. Parker, *Calvin's Preaching*, p. 60.

51. John Dillenberger, *John Calvin*, p. 115.

52. T. H. L. Parker, *Portrait of Calvin*, p. 83.

53. John Calvin, *Sermons on the Epistle to the Ephesians*, p. xii (курсив мой).

54. John Calvin, *Sermons on the Epistle to the Ephesians*, (Edinburgh: The Banner of Truth Trust, 1973, orig. English 1577, ориг. французский, 1562), с предисловием от издательства, viii.

55. John Dillenberger, *John Calvin, Selections from His writings*, (Scholars Press, 1975), p. 78.

56. John Dillenberger, *John Calvin*, p. 78.

57. T. H. L. Parker, *Portrait of Calvin*, (Philadelphia: Westminster Press, 1954), p. 29.

58. John Dillenberger, *John Calvin*, p. 42.

59. T. H. L. Parker, *Portrait of Calvin*, p. 29.

60. Henry F. Henderson, *Calvin in His Letters*, (London: J. M. Dent and Co., 1909), p. 75.

61. Henry F. Henderson, *Calvin in His Letters*, p. 63.

62. T. H. L. Parker, *Portrait of Calvin*, p. 120.

63. John Dillenberger, *John Calvin*, p. 71.

64. John Dillenberger, *John Calvin*, p. 27.

65. T. H. L. Parker, *Portrait of Calvin*, p. 102.

66. Т. Н. Л. Паркер описывает некоторые из этих обстоятельств в *Portrait of Calvin*, p. 102.

67. Henry F. Henderson, *Calvin in His Letter*, p. 196.

68. Benjamin Warfield, *Calvin and Augustine*, (Philadelphia: The Presbyterian and Reformed Publishing Co., 1971), p. 16.

69. John Dillenberger, *John Calvin*, p. 35 (курсив мой).

70. Т. Н. Л. Parker, *Portrait of Calvin*, p. 103.

IN LUMINE

WWW.INLUMINE.ORG

Цель IN LUMINE — показать людям, что Бог желает воссиять светом познания Своей славы в сердце человека. Бог бесконечно достоин, и человек создан для того, чтобы видеть Его и дорожить Им во всех Его гранях. Это единственное, что утоляет жажду души.

Мы желаем, чтобы с помощью наших ресурсов вы приближались, видели и наслаждались великолепием Христа.

За дополнительной информацией и материалами обращайтесь по адресу:

In Lumine Media
А/я 1842
Чернигов 14000
Украина

Тел.: 380635630071
info@inlumine.org
Inlumine.org